

В жизни всему удивляться есть место:
Рядом с добром уживается зло,
Если к другому уходит невеста,
То неизвестно – кому повезло!
/ Финская песня «Рулатэ» /

С работы я вернулся под утро. Быстро смыл с себя проблемы бюро судебно-медицинской экспертизы и растянулся на прохладной простыне, не забыв распахнуть окно. Мне нравилось, когда свежий поток майского воздуха, разбавленный цветением акации, врывается в мою спальню и дурманит мою голову. Я начинаю кружиться в хороводе запахов, бессмысленно упираю взгляд в потолок и начинаю медленно погружаться в болото сна, иногда посторонний звук вырывает меня на середине пути, я оказываюсь на поверхности, делаю глоток упоительного по вкусоте воздуха и снова погружаюсь в трясины. Главное – преодолеть вторую половину погружения, тогда можно палить из пушки и меня уже ни чем не проймешь. Я на дне...

- Ты мне надоела, - отчетливо произнес мужской голос без тени недовольства. Так сообщают об оценке за экзамен, в результате которого ты был уверен на сто процентов. Неуд, если все время для подготовки заняли развлечения, и заслуженное «отл.», если ты корпел над учебниками и не отвлекался.

Я не пересек заветную границу всенаплевательства на окружающий мир, заморгал глазами и уставился на электронные часы, доложившие мне, что мое погружение заняло семь минут.

Голос был такой четкий, что я поискал глазами декламатора, желая высказать ему свое возмущение: человек пришел с дежурства и хочет выспаться, а ты...

Кто был декламатором, я понял сразу, архитектура семидесятых годов прошлого столетия позволяла нам жить с соседями одной недружной семьей. И не потому, что позволяла участвовать в чужой жизни и быть свидетелем любви-нелюбви, а потому, что за стенкой жила моя бывшая пассия Лукерья Смородинова вместе с мужем Игорем Решто. Луша предпочла меня спецназовцу – качку с бычьей шеей, который за год их совместной жизни половину провел в командировках. Остальное время они выясняли отношения. Больше «кипятилась» Лукерья, вспоминая слова своей дорогой мамы, предупреждавшую дочь о неудачно выбранном времени для брака. Бракосочетание Смородиновой и Решто состоялось в мае: жениться в этом месяце, как гласит народная мудрость, всю жизнь маяться... Всю не всю, а год они уже промаялись. На сколько их еще хватит, я не знал. И подумывал сменить квартиру, не желая быть застенным соучастником и следующей кандидатурой на роль жениха.

Раньше Лушка была тихой и застенчивой. Мне всегда нравились такие - молчаливые собеседницы, отдающие тебе пальму первенства в разговоре. Тогда я мог говорить сколько угодно и на любые темы, не боясь быть прерванным. Смородинова не только ловила каждое мое изречение, даже не самое умное, но и смотрела с благоговением. Мне такая расстановка не надоела. Я был молод, по-юношески неопытен и расценивал поведение девушки, как безграничную любовь на все годы моей последующей жизни. Но вскоре Лукерья стала отводить глаза, хмуриться и ерзать на скамейке, где она сидела и вникала в смысл моих речей. Это я сейчас понимаю, что торжественную часть надо сочетать с танцами в ночных клубах и страстными поцелуями в темном подъезде, медленно преодолевая ступеньки и водворяясь в свою квартиру. Но тогда я чувствовал себя главным оратором на земле, а сопутствующие молодости страсти-мордасти мне были ни к чему. В этом отношении я отстал от сверстников лет на пять, а то и более, думал, что Смородиновой тоже наплевать на поцелуйчики в подъезде и слепое препровождение в однокомнатную квартиру, доставшуюся мне от бабули, но ошибался.

Моя пламенная речь ее не захватила полностью, осталась лазейка, через которую она смылась к новому ухажеру с бицепсами, а тот сразу перешел к делу, оставив меня за бортом. Я страдал и мучился, мучился и страдал. Лукерья не догадывалась и спокойно являлась ко мне за советом. На носу была свадьба, на которую меня не забыли пригласить, предварительно представив новоявленному кавалеру, обозвав пошлым прозвищем «школьный друг». Оказывается, я был приятелем невесты со школьной скамьи... И не более... Как могли два человека с разницей в возрасте шесть лет быть школьными приятелями, непонятно даже мне, человеку всегда имеющему ответ на даже тупиковые вопросы. Такой возрастной промежуток равен в те годы ширине Волги, ты замечаешь девушку на том берегу, но не можешь рассмотреть ее лица, поэтому интерес плавно движется к нулю. Ходит – бродит кто-то, ну и пусть ходит!..

Я, естественно, нашел причину для неявки на бракосочетание, и весь день мая прошлого года просидел в четырех стенах, закрыв все окна-двери. Вернее, пролежал, уставившись в любимый потолок. Хотелось забыться на сутки, но сон не шел из-за душевных терзаний. Или по причине отсутствия воздуха с примесью пахучей акации. Но я настойчиво терпел и не открывал окно, перекрывая доступ воздушным потокам. Может, боялся впустить чужое счастье, которое окончательно добьет меня?

Я думал, что старшая Смородинова останется в гордом одиночестве за общей со мной стенкой, а ее дочурка переберется к мужу, который был обладателем собственной квартиры. Но оказалось, что мамаша «положила глаз» на жилье зятя в новом районе, а тот не стал спорить, ему по соседству со мной почему-то жилось лучше. Наверное, решил, что «школьный приятель» с видом ботаника не только неопасен, но и может скрасить одиночество его супруги, когда законный муж убывает в командировку. Своего рода подружка мужского рода, превратившаяся со временем в плакательную жилетку.

Постоянные скандалы за стенкой мне надоели. Одно радовало, что на месте Игоря был не я, лежащий за стеной и мысленно восхваляющий тот день, когда эти мужчина и женщина встретились. Однако замаячила опасность. Решто не выдержал занудства жены и впервые высказался.

Короткая фраза разбудила меня и стала кляпом для жены. Смородинова вмиг заткнулась, хотя, я и раньше ее не слышал, ее монолог был настолько привычен, что я не реагировал на него даже на этапе неполного погружения. До меня доносились всхлипы и странные звуки, походившие на перемещение человека, притаскивающего за собой ногу, или таскающего за собой стул. Я отнес эти звуки к раздумывающему Игорю, который не мог решиться поднять предмет интерьера над головой и стукнуть им об пол. Но и расстаться пока не желал. Или раздумывал, опустить его на голову жены, чтобы избавиться от нее раз и навсегда? Потому она и смолкла, испугавшись непредвиденных последствий...

А что, такой парень может все...

Сон испарился. Мои мысли перенеслись в ближайшую риэлтерскую контору, способную найти достойный обмен в другом районе, подальше от четы Смородинова - Решто.

Лукерья предприняла попытку удалиться, так как раздался бас супруга.

- Беги к своему Забияке, жалуйся! Можешь, там и остаться!

Это мне совсем не понравилось, но следующая фраза из уст Луши немного успокоила.

- Если ты не забыл, это квартира моей матери, - осторожно напомнила она.

Хромоногий боец перестал передвигаться по комнате, за недолгой тишиной последовал скрип. Игорь сел на стул, который выполнил привычную для него роль.

- Выгоняешь? – с надеждой спросил муж с годовалым сроком выдержки.

- Нет, не выгоняю, - быстро поправилась Смородинова. – Я не люблю, когда ты начинаешь говорить об Артуре Забияке. Он мой школьный друг, не более... Или ты

ревнуешь? – в голосе зазвучали нотки Марша Мендельсона, свидетельствующие, что вся жизнь впереди, надейся и жди.

Мне не нравилось, что камнем преткновения в их разговоре стал я, Артур Иванович Забияка, человек положительный во всех отношениях, не замеченный в порочащих связях ни с кем, тем более, с замужней соседкой, о чувствах к которой успел позабыть.

- К этому хлюпику? – я «увидел» скривившуюся физиономию амбала, пренебрежительно высказывающемуся обо мне. Я поискал глазами тяжелый предмет, который я могу запустить в стенку, заявив таким способом о себе. Но предмета не нашлось, но не это стало причиной, я пожалел недавний ремонт, оценил веселые обои и передумал их портить ударом.

Я засунул голову под подушку, желая снова начать погружение на дно болота, в тайне надеясь услышать слово в свою защиту. Но Лукерье было не до меня, ее супруг сделал какое – то движение, сподвигнув ее на истерический коик.

- Игореша! Если ты уйдешь, я... я... я не знаю, что я с собой сделаю!

- Ну, реши для начала, а я подумаю, веская это причина или нет, - пробубнил бессердечный муж. По комнате, как набат, раздавались его шаги в сочетании со скрипом.

Собирает свои пожитки, - подумал я и мысленно упаковал собственные вещи в большие коробки, приготовившись к переезду.

Смородинова засемила по замкнутому пространству. Сначала я решил, что она выбирает место, куда ухватить предателя–супруга, чтобы не выпускать из своих рук, но понял, что ошибался. Зазвучал громкий голос драматической актрисы низкопробного театра из Тьмутаракани.

- Если ты сейчас уйдешь, я себя зарежу?

- Не дури! Отдай мне нож! – призвал Игорь. В голосе не было испуга. Это снова был студент двоечник или студент отличник.

Последовал шаг-набат и обрушение. Звук был похож на упавший шкаф. Я начал строить догадки: падение малышки Лукерьи больше напомнило бы стук закрытого окна. Может, супруг выбрал, как средство защиты... или нападения стол. Скорее, отвлечения. Это был маневр, он уронил стол, жена отвлеклась, и орудие прощания с жизнью оказалось в руках Игоря. Сейчас он наденет на нее смирительную рубашку, и я смогу спокойно заснуть. Война между супругами закончится, я на это очень надеюсь, и перейдет в фазу перемирия и братания.

Но произошло то, чего я никак не ожидал. Раздался требовательный звонок в дверь. Я неспешно натянул на себя шорты в сопровождении переливчатых аккордов и пошел открывать.

Сначала я увидел глаза. На ее лице были два испуганных глаза невероятных размеров. И больше ничего.

- Я его убила! – сообщила Смородинова и закусила нижнюю губу, словно боялась еще одной нелепо вылетевшей фразы. Я сделал шаг назад, женщина переступила порог, быстро захлопнула за собой дверь и навалилась на нее.

Неужели она думает, что вслед за ней в мою холостяцкую берлогу явится человек, которого она отправила к праотцам. Согласно ее заявлению.

Я смог оторваться от безумных глаз и только сейчас заметил большой нож в руках Луши. Он был чист и сиял незадействованным в деле смертоубийства лезвием.

- Ножом? – на всякий случай поинтересовался я, присматриваясь к несуществующим каплям крови, которые должны скатываться с ножа, образуя лужицу на моем новом полу.

- Ножом, - подтвердила она, разомкнув губы. Ноги плохо держали ее, поэтому Лукерья сползла по моей двери, добавив к двум опорам еще одну.

Я схватил Смородинову за локти и поднял, она не сопротивлялась ни сейчас, ни тогда, когда я повел ее на кухню и усадил на стул. Хотел налить ей воды, но передумал,

распахнул холодильник, вытащил бутылку водки и капнул в стопку. Она с интересом следила за моими действиями, будто оценивала меня, как начинающего официанта, волею судьбы оказавшегося в приличном заведении. Как только стопка оказалась перед ней, Луша взяла ее двумя пальчиками, заправски выдохнула и опрокинула в себя, не забыв приложить кулак свободной руки, пригрозив таким образом исчезнувшему содержимому стопки, желающему показаться вновь. Я осторожно освободил другую руку соседки от ножа, особо не рассматривая его, и убрал подальше.

- Рассказывай! – приказал я, присев на стул.

- Мы... поссорились, Игорь хотел уйти, а я... вытащила нож и хотела воткнуть себе в грудь... Но там, - Лукерья кивнула в сторону холодного оружия, что –то щелкнуло и... выстрелило, - она сама опешила от заявления.

Я снова взял в руки нож. Уже без осторожности. Я впервые видел воочию НРС-2. Или нож разведчика специальный, в народе прозванный стреляющим, в рукоятке которого расположен ствол с одним патроном. Чтобы произвести беззвучный выстрел, надо снять нож с предохранителя, повернуть острием к себе и нажать специальную кнопку. Как все это проделал неопытный стрелок, желающий покончить с собой, но не с хозяином этого оружия, оставалось загадкой.

- Что было дальше? - спросил я, понимая, что ответ на вопрос уже получил на входе в собственную квартиру.

- Игорь... упал, - разделила короткое предложение одной паузой Лукерья и посмотрела на меня с осуждением, будто я собственноручно уколол ее муженька. Затем опомнилась, развела в стороны руки и начала заваливаться назад, показывая, как Решто падал сраженный пулей. Я хотел подхватить женщину, но она сама остановилась на граничной точке опрокидывания.

- Та-а-ак, - протянул я, оттягивая момент вынесения приговора, и решил задать еще один вопрос. – И куда ты попала?

Лушка стукнула себя ладонью по левой стороне груди, придержала ее в этом месте и с выдохом сожаления убрала. Оценить точное место попадания я не смог: пуля могла войти в сердце. Или выше, в плечо. Я не знал, что у моей бывшей пассии такие опухлые конечности. Непроизвольно опустил глаза, я уставился на руки Смородиновой, сложенные замком на животе. Однако, - подумал я и из меня вырвался следующий вопрос.

- Ты... беременна? – я продолжал сверлить выступающий животик насупленным взглядом.

- Нет, просто аппетит хороший, - недоуменно заметила соседка, отодвинув на незначительное расстояние замок из переплетенных пальцев и, совершив при этом круговые движения большими пальцами.

- Жаль, - насупился я, переварив опровержение, - суд присяжных был бы к тебе более благожелателен.

Лушка представила себя на скамье подсудимых, некрасиво скривила губы и так же некрасиво завывала, как побитая собака. При этом она неэстетично размазывала слезы крупными руками. Меня ее громкие завывания не тронули, я подавил зевок, сделал умное лицо, хотя, мне и делать ничего не надо, я и так не жалею на работу мозга, хлопнул себя по бедрам и поднялся, желая осмотреть место преступления. Или все же вызвать опергруппу?... А если Игорь жив и уже пришел в себя? В этом случае можно договориться и заключить согласие между сторонами: Лукерья дает ему вольную, а он не пишет заявление.

- Я пошел! – решительно заявил я и направился к выходу.

- А-а-а... я? - протянула Смородинова и в довершения шмыгнула носом.

Я скривился и приказал оставаться на месте.

Приоткрыв дверь, я огляделся: лестничная клетка была пуста. Тишину подъезда разбавляли звуки с нижнего этажа, где жила любительница сериалов с плохой слышимостью. Я всегда задумывался: неужели мыльные оперы идут круглосуточно? Возвращаясь домой в разное время суток, я всегда слышал неврастенические диалоги из гнезда киномафии. Сегодняшнее утро не было исключением.

Я занес ногу над порогом и заметил, что забыл обуться, быстро надел шлепки и в этой неудобной обуви преодолел на цыпочках несколько метров до квартиры Смородиновой. Удивился, что дверь прикрыта, а не распахнута настежь. Если бы я застрелил кого-либо, то летел на бреющем, преодолевая земное притяжение, позабыв закрыть не только дверь, а обуться, одеться и взглянуть на себя в зеркало, что было немаловажным и привычным.

Я взялся за ручку, в тайне рассчитывая, что дверь заперта. Из чего следует: муж Игореша жив-здоров и спокойно сидит за стаканом успокоительного, желая снять стресс и готовясь к появлению зарвавшейся супруги. Я замер, представив, какой прием меня ждет, если удар обрушится сразу, без разбора, кто пришел и с какой целью.

Разогнув напряженную спину, я побарабанил пальцами по ручке двери и уже собрался возвращаться, но вспомнив про соседку, ждущую результаты осмотра места происшествия, и решился.

Увы, но дверь была не заперта. Ни булканья жидкости из одной посуды в другую, ни шуршания ползущего тела по полу, ни текущей в ванне воды, смывающей кровь с несерьезной раны – ничего этого не было. Одна гробовая тишина... Она давила и пугала... Я зачем-то покряхтел, затем негромко кашлянул, осторожно заявляя о своем приходе, не дождался приветствий и ударов в челюсть и шагнул в пространство, где затаилась смерть. Или не смерть. Я знал, что тело лежит в спальне, в комнате, которая примыкает к моей квартире, но на всякий случай заглянул в кухню, которая располагалась прямо по курсу, облегченно выдохнул – расправа над гостем на время откладывалась, и прошествовал далее. Кишкообразная прихожая упиралась в кладовку, где мать Лукерьи хранила банки с помидорами и огурцами, выстроившимися на многочисленных полках. По левой стороне располагались две двери, меня интересовала вторая. Я скользнул взглядом по залу, не нашел ничего необычного и проследовал в спальню. Удивительно, но и эта дверь была закрыта. Я приложился к ней ухом, улавливая своим локатором возможные звуки.

Тишь, гладь, неблагоприять, - прошептал я, размышляя над следующими действиями. Для начала надо обзавестись средством защиты. Оставалось протянуть руку и проверить содержимое кладовки на предмет таких средств. Запасливая теща спецназовца оказалась неподготовленной к отражению нападения противника: кроме старинной швабры, тоненьких реек и опустошенных банок в небольшом помещении ничего не было. Я проверил рейку на укол подобный шпаге, ткнув ею в стену, та не выдержала и надломилась. Осталось вооружиться шваброй. Я задумался, какой конец станет боевым, остановился на нахлобученной перпендикулярно перекладине для тряпки, посчитав ее достойной для тарана.

Спальня была пуста. Посередине комнаты валялась дорожная сумка, из которой подобно непоместившимся в тарелку макаронам, свисали рукава свитера, камуфляжной куртки, а сверху, как оптический перископ подводной лодки торчало горлышко бутылки водки. Завершал композицию внутреннего убранства одинокий стул, к которому тянулись рукава свитера зятя хозяйки. Комната была довольно просторной, позволяла крупногабаритному мужчине растянуться во весь свой гигантский рост. Но он не растянулся. Что это значит? Лушка развела меня, как последнего лоха? Но с какой целью? Хотела получить плечо для поддержки и безымянный палец для окольцовывания?

Я представил, как она обхватывает меня своими здоровенными ручищами – капканами, и прижимает к своему выступающему животу, и передернулся.

Не выпуская из рук швабру, я быстро вернулся в свою квартиру, где на кухне продолжала терзаться содеянным Смородинова.

Прямо по Ивану Гончарову – «Мильон терзаний», - мысленно выдал я, похвалив себя за начитанность и хорошую память.

- Розыгрыш удался! – голосом дворецкого, объявляющего о визите гостей, заявил я и встал в стойку. Наверное, я походил на обезумевшего Донкихота, сражающегося с ветряными мельницами при помощи устройства для мытья полов, поэтому вызвал улыбку на лице Лукерьи.

- Что случилось? – поинтересовалась она, шмыгнув носом и позабыв о существовании платка, заменив его ребром ладони.

Боже мой, где были мои глаза? – взвыл я про себя. – И этой женщине я рассказывал, сидя у подъезда длинными темными ночами, о высоких материях! Чтобы во всем разобраться, нужно было отдать ее в другие руки, год быть слушателем ее монологов и, в довершении, она стала или не стала убийцей своего избранника, которому я так завидовал год назад.

- Там, – я ткнул большим пальцем себе за спину, повторяя один из многочисленных движений танца прошлых лет, - ни – ко - го нет!

- Как... это...нет? А где... Игорь? – Лушка встала с табурета, снова села, снова встала, словно проделывала одной ей понятные гимнастические упражнения. – Но... он упал и больше не вставал. Сначала вскрикнул, приложил руку к сердцу, - женщина повторила сказанное действие, я вздрогнул, а она раскинула руки в стороны подобно раскрывшемуся тюльпану с двумя лепестками и завалилась. Снова не до конца. Поза была отвратительная, живот обозначился еще сильнее, превратившись в горб верблюда.

- Ты проверяла у него пульс? – я понял, что Смородина не врет. Все было, действительно так, как она рассказывает и изображает. Она соизволила вернуться в исходное положение.

- Ничего я не проверяла, я ужас как перепугалась! И сразу помчалась к тебе.

- Если бы ты... ранила мужа, то была бы кровь! Из-под его руки вытекала кровь?

- Да не знаю я! – Лукерья плюхнулась на табурет, сложила руки подобно прилежной школьнице и зарылась в них лицом, не позабыв шмыгнуть носом и судорожно вздохнуть.

- Ну, дела! – осуждающе покачал головой я. – Выстрелила, пусть по-неосторожности, в человека и скрылась, не оказав ему первую помощь?

- Я думала, ему помощь уже не нужна, - завывала женщина.

- Конечно, не нужна, он спокойно поднялся и ушел.

- Не может быть! – с революционной настойчивостью заявила Смородинова.

- А тебе лучше, чтобы он лежал посередине комнаты и истекал кровью?

- Нет! – испуганно замотала она головой.

- Игорь тебя разыграл! – «убил» я выводом. – Сделал вид, что смертельно ранен, желая напугать тебя, что и вышло.

- Но зачем?

- Чтобы беспрепятственно уйти! – сегодня я был безжалостным правдолюбом. И указал на дверь, - можешь сама убедиться!

- Пошли вместе, - попросила Луша, вскочила с места и подтолкнула меня к выходу, прикрываясь мной, как щитом.

Процессия, состоящая из Донкихота со шваброй и заплаканной женщины с распухшим носом, проследовала в подъезд.

На лестничной площадке у третьей двери стоял наш сосед, он же секс-символ нашего дома и прилегающих окрестностей – Марат Кнопочкин вместе с очередной пассией. Надо сказать, что жителям нашего этажа не повезло с фамилиями. В том смысле, что унаследованная приставка к имени совершенно не подходила. Например, я... Никакой я ни забияка, ни задира, как Марат совершенно не кнопочка. Парень двухметрового роста с

фамилией Кнопочкин вызывает усмешку. Или улыбку. Или громкий смех. Или ржание. У кого, как, в меру своего воспитания.

Марат замер с ключом в руках, не донеся его до замочной скважины. Процессия впечатляла. Я хотел сдать назад, но уперся в Смородинову. Та, недолго думая, отодвинула меня лапой-веслой, преодолевая неводные просторы, и заискивающим тоном поинтересовалась.

- Маратик, ты мужа моего не видел?

- Видел пару раз за весь год, - задумчиво ответил секс-символ, разглядывая швабру в моих руках. – А вы подрядились подъезд мыть?

Мы не удостоили его объяснением. Мысли Лушки были рядом с мужем, в исчезновение которого она никак не могла поверить, а мои блуждали, как хоровод тополиного пуха вокруг девушки, стоящей рядом с соседом. Она была такая... такая особенная. Такая маленькая, складненькая, хорошенькая. И сразу видно, умная. По глазам, которыми она рассматривала нас с Лукерьей. На ней был необычный, а как иначе, комбинезон из легкого шелка, подчеркивающий достоинства. Недостатков у нее не было...

- Я не про вообще, - взвесила рукой это «вообще» Смородинова. – Я про сейчас. Сию минуту ты его не видел? Во дворе или... еще где?

- Ни во дворе, ни еще где я твоего мужа не видел! – без раздумий сказал Марат.

Вот сейчас девушка глупо хихикнет, выказывая свое пренебрежение к чужим проблемам. Или хмыкнет и возьмет Кнопочкина за руку, возвышаясь над дремучими людьми, потерявшими человека и не способными толком объяснить, чего они хотят.

Но она не сделала ни того, ни другого, покопалась в сумочке, выудила из нее носовой платок и протянула Луше без слов. Еще один плюс в ее пользу. Девушка могла заявить при мужчинах, что у женщины испачкано лицо или тушь размазалась, а она снова оказалась на высоте.

- Как Вас зовут? – спросила миловидная красавица приятным ласковым голосом. Мы не поняли, к кому она обращается и хором представились. Я уже хотел заметить, что Забияка – такая фамилия, а не способ выражения агрессии, но она меня опередила, заметив вскользь о ее редкости.

Я уже хотел захватить инициативу, пока не решив, каким образом буду завоевывать внимание красавицы, но вдруг меня ударило молнией: она пришла к Марату. Причем с вещами. У ног соседа стоял дамский саквояж. Теперь мои глаза видели только ненавистную дорожную сумку с ЕЕ вещами.

- Познакомьтесь, - сказал остепенившийся секс-символ, стоящий не только на пороге своей квартиры, но и на пороге создания новой семьи. А я подумал: что за жизнь такая? Везде опоздал!.. И что за соседи?! Не соседи, а визуальное и хорошо слышимое издевательство! – Это моя двоюродная сестра – Екатерина. Она приехала из Воронежа...

- И будет у нас жить, - задумчиво продолжил я, опустив начало фразы. Затем встрепенулся, как петух после драки, расправил крылья и полетел. – Сестра! Как мы рады, что у Марата есть такая прелестная сестра. Да еще из Воронежа!

- А это что-то меняет? – напрягся Кнопочкин.

- В корне! – не понял его я, а он меня. – Так вы здесь будете жить? – я кивнул на дверь соседа.

- Всего неделю, - улыбнулась она.

- Это много или мало? - вмешалась Лукерья, обращаясь ко мне, не понимая причины моего парения и наличия глупой улыбки на устах.

- Для кого, как, - заметил я, разминая крылья для полета на запредельную высоту.

- До встречи, - прошелестела Катя, возвращая меня на землю, и скрылась в квартире Марата.

Мы постояли столбом несколько минут.

- Ты ему веришь? – кивнула Смородинова на едва закрывшуюся дверь.

- Почему, нет? – пожал я плечами.

- Как знаешь! – пригрозила она строгим голосом матери, предоставившей полную свободу выбора единственному чаду, и потянула на собственную жилплощадь.

Мы тщательно обследователи квартиру, особенно уделили внимание месту, где якобы пал от пули НРС-2 боец-спецназовец. Луша даже отыскала лупу, которую вверила мне. Я изучил вооруженным глазом ковровое покрытие на наличие пятен крови и таковых не нашел.

Смородинова набычилась, словно решила забодать невидимку-мужа, вытащила из кармана пестрого халата мобильник, предупредительно усмехнулась и нажала нужную кнопку. Ответный перелив раздался сразу из прихожей со стороны вешалки, где притулилась еще одна камуфляжная куртка Решто.

Интересно, у него есть другая одежда, - не ко времени мелькнула мысль в моей голове.

В это время жена проверила карманы мужа и обнаружила мобильный телефон.

- Вот, - сказала женщина, протянув его мне. Я взял, и стал любоваться фотографией Смородиновой, высветившейся на дисплее. Это была та улыбчивая добродушная девушка из прошлой жизни. Лушка отключила свой мобильник и ее изображение исчезло.

Я поднял голову и сверился с существующим образцом. Все нынешние показатели были не в пользу соседки. – Артур, - внушительно начала она, - с Игорем случилось несчастье!

- Его смертельно ранила жена, он обиделся и ушел, - добавил я. Хотел указать место, куда уходят люди после смерти, но передумал. Мое настроение после знакомства с Катюшей было неуместно игривым. Смородина проигнорировала мой словесный выпад и продолжила проникновенным шепотом.

- Он не взял с собой вещи. Даже мобильник. И бутылку водки забыл! – привела она веский аргумент.

- Это заставляет задуматься о его судьбе, - покачал я головой. – Не иначе вмешались потусторонние силы!

Лукерья не уловила в моем голосе юмористических ноток.

- Зачем им нужен Игорь? – насупилась она. – Не самый лучший экземпляр для изучения.

- Для кого, как, - заметил я второй раз за последние пятнадцать минут.

Интересно, влюбленные все любят пофилософствовать или только обладатели редких фамилий?..

Я парил в небе вместе с Катей над небольшим островом, усеянным склеенными домами: настолько они тесно прижались друг другу. С высоты были видны одни крыши, сложенные из красно-коричневой черепицы. Этакое черепичное поле, окруженное бескрайними просторами синей воды и освещаемое ярким солнцем, повисшем на лазурном небе.

- Это Венеция! – с придыханием сообщил я девушке и потянул за руку. Мы сделали виток по спирали и стали с интересом рассматривать узкие улочки – протоки, по которым медленно передвигались гондолы.

Вокруг острова жизнь была стремительнее: моторные лодки с пассажирами курсировали туда - сюда, рассекая водную гладь.

- Хочешь спуститься вниз? – спросил я, ласково сжимая ее ладошку.

- Нет, - покачала она головой и улыбнулась, - здесь так хорошо!

- Потому что никого нет?

- Потому что ты рядом. И потому что мы одни на всем небе!

Неужели ЭТО сказала Катерина? – подумал я. Я стал заполняться счастьем, как воздушный шар гелием, и воспарил еще выше, не выпуская руки девушки. От высоты у меня кружилась голова, и не хватало воздуха, потом зазвучали бубенчики. Я осмотрелся и увидел маленького ангелочка, кружащего рядом с нами.

- Ты кто? – опередила меня Катюша.

- Я ваша дочь...

Я хотел услышать продолжение, но звон заглушил голос ангелочка...

Мой мозг вибрировал от громких звуков. Не открывая глаз, я сжал голову руками и замычал, как рассерженный бык. Музыкальные звуки перешли на топот моих соплеменников из стада. Я с трудом разлепил веки и прислушался. В дверь кто-то отчаянно барабанил. Пришлось зомбированному человеку подняться и, пошатываясь, пойти в прихожую.

- Артур! Ну, ты даешь! – возмутилась Лукерья. – Оставила тебя на пять минут, а ты заснул.

- Как... на пять минут? – удивился я.

- Не мелочись! Может, на десять, какая разница!

- Хочу напомнить тебе, Луша, что я вернулся с дежурства и хочу спать!

- Хочу напомнить тебе, товарищ..., ты же мне товарищ? – насупилась женщина, ожидая немедленного подтверждения. Я склонил голову и замер в полусне. Но ненадолго: Смородинова отпихнула меня с прохода и просочилась в мою квартиру, продолжил речь-воззвание. - А раз ты мне товарищ, то должен помочь отыскать законного супруга!

- Иди в полицию, пиши заявление, - произнес я, захлопывая дверь и направляясь к месту недавней лежки и короткого сна, который мне принес массу положительных впечатлений.

- Ты отлично знаешь, заявление принимают через три дня после пропажи! А у тебя везде связи, поиски начнут уже сегодня, если ты пойдешь со мной...

И я пошел...

- Твой знакомый как-то странно отнесся к моему горю, - расстроено заметила Лукерья, стоя на пороге здания, на котором красовалась новая надпись.

- Нормально он отнесся, - отрезал я и подавил зевок, но вдруг окончательно проснулся. Вдали шествовала Катерина, двоюродная сестра Кнопочкина.

Я выпрямил спину, прибавив пяток сантиметров к своим ста восьмидесяти, пригладил бесцветные русые волосы, которые в этом не нуждались в виду короткой длины, и, позабыв про свою спутницу, припустил за девушкой. Смородинова не желала отпускать помощника по поискам супруга и засемила следом.

- Катя! – окликнул я двоюродную сестру соседа.

Она оглянулась, непонимающе уставилась на нас, затем ее лицо просветлело. Узнала! - мысленно порадовался я, посчитав это удачей.

- Здравствуйте, Артур! Здравствуйте Лукерья! – чинно поздоровалась девушка.

- Здравствуйте! - поприветствовали мы Катерину. Я покосился на Смородинову и намекающее подмигнул. Та уставилась на меня, как непонятливая объевшаяся корова перед свежескошенной травой.

- Луша, ты иди домой, - внятно произнес я, - может, Игорь вернулся и ждет тебя.

- Думаешь? - озадачилась женщина.

- Все вероятно, я после зайду...

Смородинова рванула к дому, приободренная моим предположением.

- У Лукерьи проблемы, - объяснил я Кате, не вдаваясь в подробности. Ее порадовала моя сдержанность.

- Вы ей помогаете их разрешить?

- По мере возможностей! – заявил я, не преумножая своих заслуг. Судя по благожелательной улыбке, я получил еще одно очко в свою пользу. Поэтому решил задать чисто дружеский вопрос. – А... Вы куда-то спешите?

- Просто гуляю. Марат занят, а дома сидеть в такую погоду не хочется. Я обожаю весну!

- Я тоже! – подхватил я эстафету, но попридержался с рывком, зная за собой страсть к долгим монологам. В присутствии этой девушки мне захотелось молчать, смотреть на

нее, и не просто смотреть, а пожирать ее глазами, чтобы ее прекрасный образ навсегда остался в памяти, и слушать, особо не вникая в слова. Нет, вникать необходимо, чтобы не выглядеть полным идиотом.

- Удивительно, - усмехнулась Катюша, - мне всегда казалось, мужчинам все равно какое время года за окном их кабинета. Они так погружены в работу, что не замечают, как мелькают страницы календаря.

- Не все, - загадочно сказал я.

- Я сразу поняла, вы умеете восхищаться самой простой вещью, несмотря на вашу работу.

- О моей работе Вам Марат рассказал? – девушка кивнула. У нее это получилось так особенному, словно и подтвердила, и извинилась за проникновение на чужую территорию. – И она Вас не пугает? – вылетело из меня.

- Ничуть. Мне кажется, вы родились под знаком Близнецов, в Вас уживаются два человека: реалист и лирик.

- Вы угадали, я родился в последний день весны. И на службе я реалист, а дома... - я замялся: ни одна живая душа не знала, что человек с высшим юридическим образованием на досуге пишет...

- Вы пишет стихи! – констатировала Катя.

- Нет, я слагаю философские заметки о жизни.

- Где-то публикуете их?

- В основном они пополняют мой письменный стол.

- А можно мне их прочесть?

- Вы будете первым человеком, после меня конечно, взявшим в руки бредовые мысли одинокого мужчины.

- Я польщена доверием... А где вы берете материал?

- Сталкиваюсь по жизни со многими людьми, фиксирую что-то в памяти, а затем переношу на бумагу.

- То есть все заметки списаны с реальных персонажей?

- В них нет конкретных персонажей. Есть он и она. Или только он...

- Лучше, когда и он, и она.

- Лучше, - согласился я. – Но в жизни не всегда встречаются два пазла, полностью совпадающие друг с другом.

- Вы не сказали две половинки, как это принято. Вы не любите идти проторенной дорогой?

- Я выбираю свой путь, пусть с преградами и канавами, в которые мне периодически приходится падать. Но я выбираюсь! И снова иду дальше. По равнине, а затем опять гора. Или море, которое необходимо преодолеть вплавь или на спасательном плоту.

- А спасательный плот выдержит двоих? – серьезно спросила Катерина.

- Думаю, да, - после раздумий тихо сказал я. – Если эти двое легко соединяться по выступам и впадинам.

Она ступала от моего взгляда, который добавил к реплике еще кое-что, понятное только ей.

- Артур, у Вас усталый вид, но я хочу набраться наглости и попросить быть моим гидом. Познакомьте меня с вашим городом...

Я не стал заверять, что бодр и свеж, как ранее утро, не стал шаркать ножкой, благодаря за оказанное доверие, молча, взял ее за руку и повел. Или взлетел ввысь, не отпуская свою вторую половину, которая еще об этом не знала, но догадывалась.

Мы парили над городом с разноцветными крышами, с широкими улицами, по которым сновали автомобилями, а мне хотелось туда, где все крыши красно-коричневые, где вместо машин моторные лодки и гондолы.

Я не выдержал и пересказал ее увиденный недавно сон.

- Никогда не была в Венеции, - с чувством произнесла Катя и многозначительно посмотрела на меня.

Я уже открыл рот, чтобы сморозить банальность, типа, обещаю отвезти тебя в Италию, если будешь не против, но вовремя остановился. Наши отношения должны быть особенными. Нельзя торопиться, чтобы не уткнуться носом в грязь, не заметив очередного препятствия. Однако, нельзя отпускать вожжи, давая возможность кобыле-судьбе везти тебя по своему усмотрению. Она может понести и сбросить одного из седоков...

Мы вернулись домой после долгой прогулки. Подъезд встретил нас прохладой и полутьмой. Я не желал полутоннов. Притянул к себе девушку, и она не оттолкнула меня, лишь внимательно изучила мои глаза, в которых перестало прятаться новое чувство. Сначала ее ладони упирались мне в грудь, но слова, сказанные взглядом, заставили руки обвиться вокруг моей шеи. Катя не выдержала молчаливого напора и закрыла глаза.

Я обожаю целоваться в темных подъездах, - была последняя разумная мысль в моей голове...

Страсть вознесла нас на нужный этаж и приготовилась неласково запихнуть в мою квартиру, чему мы особо не сопротивлялись, но преградой встало одно но. Это «но» не было персонажем мелодрамы, где участвовали двое новичков, оно скорее участвовало с драмкружке, готовящему к выпуску детективную историю, и звалось Лукерьей Смородиновой. Едва мы оказались на этаже, она выплыла из своей квартиры и, скорчив мину расстройства, заявила.

- Артурчик, звонил твой друг и сказал, что к ним в отделение привезли... бугая в невменяемом состоянии, учинившего драку на улице. Этот... человек, - она не решилась повторить определение моего приятеля капитана Сафронова, - похож на Игоря.

- Теперь каждый крупногабаритный мужик, доставленный в полицию, станет причиной нашего мгновенного реагирования? – взвился я.

- Если ты не желаешь поддержать меня в трудную минуту, я пойду одна! – с вызовом сказала Смородинова, вскинув подбородок.

- Да, уж, наподдерживался, - прошептал я и извинительно посмотрел на Катерину. Ее припухлые от поцелуев губки заставили меня забыть о Лушке и ее муже. Но на непродолжительное время.

Соседка внушительно прокашлялась, как разумные родители на пороге комнаты их взрослого чада. Напомнила о себе и предупредила о моральности.

- Я подожду... - прочел я по припухшим губам.

- Пошли уже, - рявкнул я и стал спускаться по лестнице, не оглядываясь. Еще один взгляд на Катеньку, и я забуду о Смородиновой навсегда. Как бы я не хотел уединиться с девушкой, но оставить подругу без помощи не имел права...

В отделении нам предъявили для опознания мало подвижное и плохо реагирующее на эмоциональные всплески тело с немигающим взглядом усталых от возлияний глаз.

- Это же Славик Чайка, друг и сослуживец Игореши! – воскликнула Лукерья и попыталась встряхнуть тело на стуле. Тело завалилось и едва не стекло на пол. Я вовремя его поддержал и установил в сидячем положении.

Смородинова не сдавалась, она затеяла допрос, не увенчавшийся успехом, в виду глухоты и слепоты Вячеслава.

- Голый номер, - констатировал капитан Сафронов, с интересом изучая потерявшее все реакции тело. – Завтра приходите, часиков к десяти. Ваш Чайка отоспится, и я Вам передам его из рук в руки.

- А Вы его не задержите? – спросила сердобольная Лукерья.

- Нет, мы своих не обижаем! Побузил парень маленько, с кем не бывает. Тем более потерпевшие не в претензии. - Сафронов уверенно «отпечатал» последнее слово, давая

понять, что никто не смеет писать заявление на человека, прошедшего Крым и Рим, огонь, воду и медные трубы...

Ровно в десять мы с жалостью взирали на Славика. При нас он опустошил графин с водой, но все равно голова отказывалась вспоминать прошедший день, а голос продолжал скрипеть несмазанными чем-либо существенным, чем обычная вода, жерновами.

- Славуня! – взывала со слезой покинутая жена. – Вспомни, родной, был вчера с тобой Игорь или нет? – этот вопрос она повторила уже три раза, не получив ответа, но в последний раз проснулась реакция понимания. Затуманенный вчерашними парами взор Чайки остановился на женщине, он попытался сфокусировать зрение, хмыкнул и проскрипел.

- Луша, ты что ли?

- Я, Славик! – радостно закивала она.

- А братан где? – удивленно поинтересовался мужчина, окидывая нас недовольным взглядом, заранее обвиняя нас в отсутствии друга.

- Сама ищи! – развела руки Смородинова. – Думала, Игорь с тобой вчера развлекался. Может, ты забыл? – с надеждой спросила она.

- Не-а! – мотнул тяжелой головой Славик. – Я один был. Сначала дома размышлял о жизни, потом вышел на улицу узнать...

- О чем узнать? – не поняла Лукерья, не дождавшись продолжения.

- Забыл... Как выходил из парадного помню, а больше... – он поскреб рукой-кувалдой свою голову-наковальню.

- А что предшествовало Вашему размышлению? – не выдержал я. Чайка вскинул на меня рассеянный взгляд, не улавливая сути вопроса. – Может, произошло что-то неординарное?

- Не-ор-ди-нар-ное, – выговорил он. – Все ординарное. Был выходной. Я встал, позавтракал, стал смотреть телевизор. Там старый фильм показывали. Про войну. Отличный фильм. Но я концовку прозевал... Хотя, и знаю наизусть, но все равно хотел увидеть...

- А почему прозевали? Вам кто-то помешал? – попытался я настроить на волну воспоминаний брата-близнеца Игоря Решто.

- Помешали, – недовольно заметил Вячеслав. – Позвонил мой друг из Дагестана... Зачем же он позвонил? – задумался мужчина.

Я догадался, что завтрак Чайки включил в себя не только еду и привычные чай-кофе, скорее всего, напитки были заменены на более крепкие. Мы терпеливо ждали продолжения. – Шабан спросил, где живет Игорь, – медленно произнес Славик, делая паузы между словами, словно воспоминания рождались постепенно.

- Мой Игорь? – удивилась Луша.

- Твой, а то еще какой же! – хмыкнул Чайка. – Но зачем Шабану мой дружбан? – снова неприятие перекинулось на нас.

- Ты и спросил бы этого Шабана! – возмутилась Смородинова.

- Я не подумал, – обеспокоенно заметил Вячеслав. – А может, ему был нужен Гарик Зималетов?

- Какая связь? – не проветрил я сумбур в собственных мыслях.

- Вот, именно, связь! – загадочно заявил Чайка, подняв вверх указательный палец. – У Шабана сестра необыкновенной красоты! – мечтательно протянул он, окончательно вырываясь из вчерашних паров. – У Гарика... Это мы зовем его Гариком, чтобы не путать с Игорем Решто, а на самом деле он тоже Игорь... Так вот, у Гарика- Игоря случился роман с сестрой Шабана...

- Давно? – подорвалась Лушка, будто срок имел значение.

- А когда мы были в Дагестане в последний раз?

- Месяца три назад, – подсказала всезнающая жена спецназовца.

- Тогда и случился! – радостно воскликнул Вячеслав.
- Значит, Вам позвонил Шабан и спросил, где живет Игорь, - подытожил я все выше сказанное. – Вы решили, что он интересуется Решто, а на самом деле, ему был нужен Гарик, который тоже зовется в гражданской жизни Игорем. – Мою витиеватую мысль все дружно уловили за хвост, судя по кивкам. Но выводов не сделали, ожидая заключения. – А какова причина любопытства?
- Чайка недовольно зыркнул на меня.
- Ты можешь выразаться нормальным языком?! – накинулась на меня Лукерья и, сбавив тон, пояснила, - видишь, человек туго соображает, - и сразу обратилась к тугосоображающему с переводом. – Славик, зачем этому Шабану адрес Гарика?
- Он не сказал.
- А ты не догадываешься? – продолжала упорствовать Смородинова.
- Может, хотел о сестре поговорить? – предположил Вячеслав.
- Но зачем ты дал наш адрес! – взвыла женщина, двинув кулаком в плечо Чайки. Тот даже не шелохнулся.
- Я уже объяснил. Перепутал Гарика с Игорем. Я забыл, что Зималетов тоже Игорь... А почему на меня все набросились? Что-то случилось?
- Наконец! – выдохнула Лукерья. – Наконец, до тебя дошло, что мы не просто так мучаемся с тобой!
- Это неизвестно, кто еще мучается, - обиделся Славик.
- Игорь пропал. Я вчера... вышла к соседу, - она кивнула в мою сторону, - возвращаюсь, а его нет. Вещи на месте, даже бутылка водки.
- Мне понравилось, как болтливая Смородинова, у которой изречение опережает мысль, вырулила из запутанной ситуации. Она посчитала, раз нет убиенного стреляющим ножом мужа, то можно опустить рассказ о событии, произошедшем накануне исчезновения.
- Нечего по соседям шастать, тогда и мужья пропадать не будут! – философски заметил Чайка, пронзая меня взглядом–стрелой. Тяжко вздохнул, побарабанил пальцами-сардельками по обтянутым джинсовой тканью бедрам и заметил. – Если водка на месте, то братан ушел не по своей воле... Наверное, ко мне собирался, душу излить, но кто-то помешал.
- Шабан и помешал! – закричала Лушка. – Он не сказал, откуда звонит, вот ты и решил, что из Дагестана, а он мог быть здесь, в нашем городе. Ты назвал ему место жительства моего Игоря, перепутав с Зималетовым. Шабан отправился по указанному адресу и выкрал моего мужа!
- Ты думаешь, будто можно справиться с Решто в одиночку? – ехидно спросил я. – К тому же, дагестанский гость не мог перепутать твоего мужа с Зималетовым.
- Почему, нет! – подхватила Смородинова. Она ухватила Чайку за подбородок и повертела в разные стороны, - я сама их путаю, это команда близнецов. Спецназовцы – молодцы, одинаковы с лица! – выдала не в склад Лукерья.
- Ты бредишь! – заявил я. – Если Шабан знает в лицо Гарика, то никогда не спутает его с Игорем Решто!
- А если предположить, что он принял Зималетова за Решто?
- Поясни! – приказал Чайка.
- Допустим, сестра Шабана призналась брату в связи со спецназовцем, который ей назвался Игорем. Не Гариком, а своим настоящим именем, не предполагая перевести стрелки на моего мужа в случае непредвиденных обстоятельств. Может, Зималетов ее полюбил, думал в будущем соединиться, но за постоянными командировками не успел... В общем, она призналась брату, потому как их близкие отношения совсем скоро должны обозначиться на ее фигуре, - Лушка похлопала себя по животу. – Брат прижал сестру к стенке и потребовал назвать имя человека, опозорившего ее. И она назвала.

- В связи с последними событиями твоя голова стала работать в нормальном режиме! – похвалил я подругу. – Что-то в твоих предположениях есть...
- А то! - гордо вскинула голову Смородинова.
- Нужно ехать к Зималетову! – заявил я.
Экскурсоводом и охранником вызвался быть Вячеслав...

До чего же они все на одно лицо, - подумал я, переступая порог квартиры Зималетова.

Без долгих разговоров Чайка внушительно призвал приятеля к содействию. Тот, недолго раздумывая, подтвердил предположение Лукерьи об их связи с красавицей дагестанкой, не более. О дальнейших перипетиях ее судьбы он ничего не знал, но признался, что не забывал девушку, все время строил планы, как он придет в ее дом, как ее родные... откажут ему.

- Они хотят поквитаться со мной, - сказала Гарик, не подумав о последствиях. В тот же миг к нему подлетела фурия Смородинова и залепила со всего маху в глаз. Для Зималетова это было, как укус комара, не больно, но ощутимо. Он потерял ушибленное место и попытался увернуться от следующего удара. Занесенный кулак моей подруги был перехвачен Славиком.

- Он ни в чем не виноват, - отсудил он пыл Лушки. – Это я перевернул все с ног на голову... Если тебе хочется выместить на ком-то зло, то ударь меня.

- И ударю, - пообещала растерявшая запал Лукерья, опускаясь на диван.

- Не волнуйся, Шабан с ним ничего не сделает, он отвезет его к себе домой и проведет очную ставку с сестрой. Пока не убедиться, что ее любовником был похищенный человек, не приведет приговор в исполнение, - успокоил Вячеслав. При этих словах Зималетов испуганно поозирался по сторонам, беспокоясь о внезапном появлении Шабана, вернувшегося за новой жертвой. За настоящей жертвой. – Не бойсь, - разгадал состояние Гарика сослуживец. – Если его сеструха в положении, то он тебя не убьет, но заставит жениться на ней, чтобы скрыть позор.

- Я готов, - качнул головой будущий жених.

- Славик, ты сейчас правду говоришь? - заскулила Смородинова, - или придумываешь на ходу, желая меня успокоить?

- Как оказалось, ты, Лукерья, неглупая баба, - с чувством произнес он странный комплимент. И сразу отрезвил. – Но дура!

- Это... почему же я... дура, - округлила глаза моя подруга.

- Потому что своими руками роешь могилу для захоронения вашей ячейки общества!

Я с уважением посмотрел на спецназовца. Он тоже кинул взгляд на меня, ожидая подтверждения. Я пока не разобрался, куда он клонит, но на всякий случай подтвердил внушительным кивком, от которого хрустнуло в шее.

- Чего я рою? - нахмурилась женщина.

- Слушай сюда! – приказал боец. – Вернется твой муженек, не волнуйся! Но от тебя зависит, надолго ли задержится в гнездышке... Все я знаю, про вашу жизнь. Уж, извини, но Игорь мне больше, чем брат, он моя часть, поэтому у нас нет друг от друга секретов... Ты не женщина, ты пила. Только муж в дом, она выставит свои зазубрины и давай его распиливать. Туда-сюда, туда-сюда. У него зубы болят от твоего скрежета.

- Я не пила, - обиделась Лушка и надула губы.

- Как хочешь себя называй, но подумай на досуге, нужен тебе Решто или нет! Если не нужен, то зачем портишь жизнь себе и ему... Ведь, как любили друг дружку! Вспомни, Лукерья?

- Любили, - подтвердила она, присовокупив тяжелый вздох. – Но вам, мужикам, доверять нельзя! Вот, яркий пример, - она кивнула в сторону Зималетова. – Как командировка, так очередной романчик.

- Во – первых, нам некогда ТАМ амуры крутить! – вступился за всю братию Чайка. – А во-вторых, случай с Гариком единичный, к тому же он не женат. Человек встретил красивую девушку и потерял голову.

- Потерял, потом нашел и отбыл, позабыв про возлюбленную, - заметила Смородинова, сложив колечком руки на груди. Грудь зазывно приподнялась. Присутствующие мужчины оценили и сглотнули слюну.

- Луша, ты не только умная, но и красивая, - заворожено глядя на пышную грудь, произнес Славик. – Но умело прячешь свои достоинства, а недостатки выпячиваешь.

- И посмотри, во что ты одета! – не выдержал я. Мне захотелось соединить разлученных волею случая в лице Чайки два любящих сердца.

Смородинова развела руки, подхватила с дивана и стала рассматривать себя в огромном зеркале шкафа-купе. Бесформенное платье болталось на ее аппетитной фигуре, «подрезая» ноги. Так всегда происходит, если длина закрывает колено. Поэтому я предложил подруге слегка приподнять подол, обнажив коленные чашечки. Она беспрекословно подчинилась.

- Вот, совсем другое дело! – удивился мгновенному превращению Вячеслав. Он приблизился к Лукерье и стянул с волос замурзанную резинку, которая их стягивала в хвост. Мужчина попытался завернуть концы в подобие каре.

- Отлично! – вынес вердикт я. – Лицо становится более вытянутым... Радость наша, ты поняла, как заново покорить сердце супруга? – обратился я непосредственно к подопытному «манекену».

- Поняла, - величественно ответила она, подобрав выступающий животик и расправив плечи.

- Не забудь про характер! – напомнил Чайка.

- Я больше не буду пилой! – улыбнулась Лукерья.

- И не переживай, Игорь скоро вернется. Думаю, через пару дней будет дома. У тебя всего два дня для работы над своей внешностью! - ободряюще улыбнулся я в ответ.

- Может, попросить совета у Катюши, - едва слышно спросила она у меня.

- Лучше обратись к специалистам, но для компании возьми с собой Катерину.

- Возьму! Надо же мне с ней ближе познакомиться! Что-то подсказывает, она не уедет в свой Воронеж, а останется в соседней квартире.

Я зарделся, как девушка, которую пришли сватать.

Смородинова направилась к выходу, бросив на прощание, что ей нужно побыть одной и подумать.

- Думать никому не вредно! – заключил Вячеслав.

- Меня тревожить один вопрос, - обратился я к Чайке. – Почему Шабан так легко справился с Решто?

- Он не один к нему пришел, скорее всем кланом. Они застали брата врасплох. Наверное, он не ожидал нападения...

А у меня появилась мысль: может, Игорь все же ранен? Поэтому дагестанцы так легко увезли его на опознание с девушкой Зималетова... Тогда совместная жизнь Лукерьи даст такую трещину, которую никаким клеем не соединишь...

- Слава, я возьму отпуск и поеду в Дагестан, - оторвал меня от нерадостных мыслей Гарик.

- Молоток! – похвалил сослуживца Чайка. – Наконец, я слышу речь не мальчика, но мужа. С тобою, князь, она меня мирит. Безумный твой порыв я забываю!

Цитата из поэмы Пушкина меня шокировала.

Вот такие они, защитники нашей Родины...

Я был рад за Лукерью, которая носилась по салонам и бутикам, но одновременно обижен: она разлучила меня с любимой. Но я ей это простил, надеясь наверстать

бесцельно проведенные дни. Это касалось личной жизни, но не службы, которой я отдавался, как всегда, без остатка.

Не желая мешать двум окрыленным преобразованиями женщинам, я не только отдежурил за себя, но и за приятеля, пообещавшего мне бутылку хорошего коньяка. Я лишь отмахнулся, Я уверен, когда мне понадобится его помощь, он, не задумываясь, будет бодрствовать несколько суток.

Я не заглядывал к Смородиновой, не желая застать ее на середине этапа перевоплощения. Мне нужно оценить конечный результат.

Снова майское утро. Снова я дома. И снова один. Слоняюсь из угла в угол и заставляю себя лечь и заснуть. И окно раскрыто настежь, зазывая потоки воздушных масс, легко дурманящих мои мозги и утягивающих на дно болота, и прохладные простыни готовы принять в меня в объятия, а я подобно ученому коту хожу по выложенному паркету, стараясь соблюдать ритуал попадания в одни и те же ромбы.

- Спать, Артур, спать! – уговариваю я себя, подражая гипнотизеру.

Я растягиваюсь на простынях и изучаю потолок, на котором появляется лик любимой девушки. Она улыбается мне и говорит.

- Спи, Артурчик, спи, дорогой...

- Вы... кто? – резко произнес знакомый голос, преграждая мне путь в болотное сонное царство.

- Едрена матрена, - прошептал я, не открывая глаз. – Кто на это раз прервал мой путь погружения раньше времени?

- Игореша! – воспела моя застенная подруга.

- Решто вернулся! - взвыл я и, как на батуте, подлетел к потолку.

- Женщина, вы кто? – забубнил тот же мужской голос.

Преображение удалось на все сто! – мысленно похвалил я Лукерью, натягивая на себя шорты и продолжая прислушиваться к соседским баталиям.

- Ты... меня не узнаешь? – удивилась Смородинова. Скрипнули пружины на кровати за стеной.

Лушка поднялась, - констатировал я, замирая на одной ноге. – Сейчас продемонстрирует себя во всей красе. Жаль, муж заявился ранним утром, не успела прифуфыриться. Но и так действовало.

- Лукерья?! – протянул Решто.

Минута молчания начала затягиваться. Я заметался, не зная, как поступить, бежать на помощь подруге или дожидаться следующей реплики.

Реплики я не дождался, только услышал, как что-то тяжелое рухнуло на кровать и... пожалел мебель, которая не проходила таких испытаний за весь прошедший год.

Звуки меня убаюкивали. Я вернул тело в горизонтальное положение и с чувством выполненного долга заснул, надеясь, что внес в создание нового суперклея, способного намертво соединить две отколовшиеся друг от друга частички, пусть небольшое, но все же участие...

Я редко сплю без сновидений и так безответственно продолжительно. Когда я открыл глаза, то увидел за окном надвигающиеся сумерки. Я посмаковал тишину, улыбнулся и пошел в душ.

Я был запрограммированным роботом.

Надел свой лучший костюм, белоснежную сорочку, затянул на шее галстук и критически оглядел себя в зеркало. Обозвав женихом, покинул квартиру.

Я скользнул взглядом по двери Марата и зашагал вниз, стараясь совершать спуск как можно тише. Хотя, перекрыть звуки громкоголосой мелодрамы было нелегко.

Неподалеку от моего дома вечерами сидели бабули с ведрами, заполненными цветами. Не заморскими экземплярами, а своими, родными, выращенными на шести сотках.

Я скупил ведро ромашек, отказался от упаковки, способной испортить букет, напоминавший сноп, и пошел назад.

Я не торопился, собираясь с мыслями и репетируя проникновенную речь, которая не оставит в душе моей избранницы сомнений.

Потоптался на пороге и решился нажать на кнопку звонка. Дверь открылась мгновенно. Меня ждали. Меня, а не кого-то другого. Это я прочел в ее взгляде.

- Катюша, выходи за меня замуж, - произнес я, позабыв слова подготовленной речи.

- Я не стану гадать на ромашках, тем более их такое множество, что это займет слишком много времени. Я не хочу его терять понапрасну...

- Игорь вернулся. – сказала Катя, провожая взглядом мечущиеся по небу тучи, которые не могли понять, зависнуть им над этим городом или проследовать дальше, не забыв поугубить горожан своим приятелем громом. – Луша приходила ко мне, она искала тебя. Все произошло, именно, так, как вы предполагали.

- Теперь все счастливы, - уверенно заявил я, любуясь ее профилем. – И Смородинова со своим спецназовцем, и восточная красавица с Замалетовым... А главное - я нашел нужный пазл...

- Мы пойдем твоей дорогой?

- Мы пойдем той дорогой, которую выберешь ты...

- Мы выберем вместе...

Май 2011 года

г.Ростов-на-Дону